

битных стен, протекали две быстрые, прозрачные реченки, орошавшие прекрасные окрестные пастбища; среди богатых трав паслись многочисленные стада баранов, коров, лошадей, принадлежавшие по большей части тангуту-гэгэну Няч-чжик'у, построившему в юго-западном углу крепости хорошую кумирню. В этом монастыре подвизалось всего до сорока лам, также тангутов, а при настоятеле — двое приближенных монахов — почтенный старик и молодой энергичный тибетец. Получив от меня приветственный хадак, Няч-чжик явился на бивак с визитом и пригласил членов экспедиции в свою очередь к себе. Гэгэн был необычайно любезен с нами — своими гостями; после чая, нас провели через цветник в помещение настоятеля, где показали не только частные комнаты, но и временный храм: настоящая кумирня была не совсем готова. Обменявшись обычными вежливыми фразами, Няч-чжик самым искренним образом выразил мне свою дружбу и пожелал закрепить слова ценным подарком в виде золоченой статуэтки Дархэ, заключенной в гау, — одной из тех, что стояли на престоле молельни. Это чуткое внимание душевно тронуло меня и спутников, и мы расстались с приветливым гэгэном, сохранив о нем наилучшие воспоминания. Перед отъездом, Няч-чжику был послан кусок парчи, произведший хорошее впечатление на всю братию монастыря.

Га-у с Дархэ
(умен. в 4 раза).

